

Касательно топографии параллельной вселенной

Меня часто спрашивают: а как ты туда попала? На самом деле людям хочется знать, насколько велики их шансы тоже тут оказаться. У меня нет ответа на этот незаданный вопрос. Одно скажу: попасть сюда несложно.

Нет ничего сложного и в том, чтобы проскользнуть в какую-нибудь параллельную вселенную. Их так много: вселенные преступников, увечных, умирающих, да и мертвых, наверное, тоже. Эти миры существуют параллельно с нашим и похожи на него, но не являются его частью.

Джорджина, моя соседка по палате, загремела сюда молниеносно и бесповоротно — еще когда была на третьем курсе в колледже Вассар. Она сидела в кинотеатре, смотрела фильм, как вдруг на нее обрушилась огромная волна мрака. Мир вдруг исчез — несколько минут его просто не существовало. Она знала, что сошла с ума. Она огляделась, чтобы проверить, не случилось ли с остальными-

ми зрителями то же самое; но нет, все были полностью погружены в события на экране. В зале было темно, и этот мрак, наложенный на мрак в ее голове, становился невыносимым. Она кинулась к выходу.

— И что потом? — спросила я у нее.

— Сплошной мрак, — ответила она.

Но в большинстве своем люди перебираются в параллельные миры постепенно, проделывая сначала маленькие отверстия в перегородке между «здесь» и «там», пока не появится достаточно крупное отверстие. А когда оно появляется, кто ж тут устоит?

В параллельной вселенной законы физики не действуют. Поднявшееся вверх не обязательно упадет, всякое тело лишь изредка продолжает удерживаться в состоянии покоя, и уж тем более не стоит рассчитывать на то, что каждое действие обязательно вызовет равное по силе и противоположное по направлению противодействие. И время там другое. Оно может бежать по кругу, может течь в обратном направлении, может двигаться скачками. Сама суть вещей подвижна на молекулярном уровне: столы могут сделаться часами, лицами или цветами.

Но обо всем этом узнаешь не сразу.

Вот еще одна удивительная особенность параллельной вселенной: из нашего мира ее

не видно, но, оказавшись там, можно спокойно увидеть мир, из которого ты пришел. Иногда мир этот кажется громадным и зловещим, подрагивающим, как огромный кусок желе, но бывает и по-другому: когда он крохотный и заманчивый, летит по своей орбите и блестит. Как бы то ни было, проигнорировать его в любом случае не получится.

Из окон любой камеры Алякатраса виден Сан-Франциско.

Такси

— У тебя тут прыщ, — сообщил врач.

А я-то надеялась, что никто не заметит.

— Ты пыталась его выдавить, — продолжил он.

Когда я проснулась — а тем утром я рано проснулась, чтобы не опоздать к доктору — мой прыщ был уже на сносях, он буквально молил о том, чтобы его выдавили. Он жаждал свободы. Высвобождая его из-под маленькой беленькой шапочки, выжимая его до крови, я почувствовала, что исполнила свой долг. Я сделала все, что могла для этого прыща.

— Ты постоянно выдавливаешь прыщи, это навязчивое движение, — не унимался врач.

Я кивнула. Он бы все равно не замолчал, пока я бы с ним не согласилась, так что я кивнула.

— У тебя есть парень?

Я снова кивнула.

— С ним бывают проблемы?

На самом деле это даже и не вопрос был — он сам за меня кивнул.

— И ты постоянно выдавливаешь прыщи, — повторил он, а потом вдруг выскочил из-за своего стола и бросился ко мне. Это был смуглый толстый мужчина, с большим пузом, натянутым как барабан.

— Тебе нужно отдохнуть, — заявил он.

Отдохнуть мне действительно стоило — главным образом, потому, что в тот день я встала рано, чтобы приехать к доктору за город. На трамвае. С двумя пересадками. Чтобы попасть на работу, мне нужно было проделать тот же путь в обратном направлении. От одной только мысли об этом опускались руки.

— А тебе самой так не кажется? — не отходил он от меня. — Тебе самой не кажется, что нужен отдых?

— Да, — ответила я.

Он размашистыми шагами направился в соседнюю комнату. Вскоре я услышала, как он разговаривает с кем-то по телефону.

Впоследствии я частенько размышляла о следующих десяти минутах — моих последних десяти минутах. Мой первый импульс: встать и выйти, пройти обратно на улицу, потом пару перекрестков до трамвайной остановки и подождать трамвая, который отвезет

меня обратно к моему парню, от которого одни проблемы, обратно на работу в магазине кухонной утвари. Но у меня не было на все это сил.

Врач вошел обратно в комнату с весьма самодовольным и важным видом.

— Я нашел тебе место в палате, — объявил он. — Там и отдохнешь. Всего лишь пару недель, хорошо? — Он сказал это примирительным тоном, чуть ли не умоляюще, и в этот момент мне стало боязно.

— Давайте в пятницу, — предложила я. Дело было во вторник, и, может, до пятницы я бы туда перехотела.

Врач навалился на меня всем своим пузом и сказал:

— Нет, не в пятницу. Сейчас же.

Мне это показалось не совсем разумным.

— Но меня у меня планы на обед, — возразила я.

— Можешь про них забыть. Ты не обедать поедешь, а в больницу, — отрезал он с видом триумфатора.

Мы находились за городом, на часах не было и восьми, так что вокруг царила тишина. Добавить к сказанному нам обоим было нечего. Я услышала, как к дому подъезжает такси.

Он взял меня под локоть — зажал своими толстыми пальцами как клешней — и вывел

на улицу. Он открыл заднюю дверь такси и затолкал меня вовнутрь. На какое-то мгновение его большая голова очутилась вместе со мною внутри такси. Но потом он отпустил мою руку и захлопнул дверь.

Водитель приспустил стекло со своей стороны.

— Куда?

— Отвезите ее в больницу МакЛин, — ответил он. — И не дайте ей выскочить по дороге, — прибавил он.

Я откинулась на подголовник и закрыла глаза. Теперь хотя бы не надо ждать трамвая, и на том спасибо.

Этиология

Этот человек:

(выберите один ответ)

1. Совершает опасное путешествие, и мы узнаем много нового, когда он/она из него вернется

2. Одержим:

(выберите один ответ)

a) богами

b) богом (т. е. является пророком)

c) злыми духами или демонами

d) дьяволом

3. Является ведьмой (колдуном)

4. Заколдован (вариант пункта 2)

5. Является злодеем, которого необходимо изолировать и наказать

6. Болен, и его/ее необходимо изолировать и лечить с помощью:

(выберите один ответ):

a) пиявок и промывания кишечника

b) удаления матки (если таковая имеется)

c) электрошоковой терапии

- d) обертывания в холодные мокрые простыни
- e) торазина или стелазина
- 7. Болен, и на протяжении семи лет должен говорить о своем недуге
- 8. Является жертвой нетерпимости общества к поведению, не соответствующему его нормам
- 9. Вменяем, а мир безумен
- 10. Совершает опасное путешествие, из которого, возможно, никогда не вернется

Огонь

Одна из нас подожгла себя в детстве. Облила бензином и подожгла. Она была слишком маленькой, чтобы водить машину, и я все думала, откуда она взяла бензин. Пришла к соседям и сказала, что папе нужна канистра? Эти мысли лезли в голову каждый раз, когда я ее видела.

Скорее всего, бензин затек во впадинки у ключицы, поскольку сильнее всего у нее были обожжены шея и щеки, испещренные толстыми бороздами белых и светло-розовых шрамов. Шрамы были настолько жесткими и большими, что она даже голову не могла повернуть, и чтобы увидеть стоящего рядом человека, ей приходилось поворачиваться всем телом.

Шрамы безлики. Они совсем не такие, как обычная кожа. Они не выдают ни возраста, ни болезни, ни бледности, ни загара. На них нет волосков, нет морщин. И пор в них тоже нет. Они как чехол: защищают и скрывают

то, что под ними. Потому мы ими и обрастаем — нам есть что скрывать.

Ее звали Полли. Наверное, в те дни — или месяцы — когда она обдумывала самоубийство, это милое имя казалось ей нелепым, но оно очень ей подходило теперь, в ее зачехленной жизни человека, который сумел выжить после такого. По ней никогда было нельзя сказать, что она несчастна. Она была добра к несчастным людям, утешала их. Она никогда не жаловалась. И у нее всегда находилось время, чтобы выслушать жалобы других. Она была безупречна в своей непроницаемой розово-белой оболочке. Что бы ни заставило ее совершить этот поступок, что бы ни прошептало: «Умри!» в ее когда-то идеальное, а теперь изрезанное шрамами ушко, она выжгла все это дотла.

Зачем она это сделала? Никто не знал. И никто не отважился спросить. Это ж сколько надо храбрости, чтобы поджечь себя! Двадцать таблеток аспирина, легкий надрез вдоль вены, полчаса страданий на краю крыши — через это мы все проходили. Некоторые заходили еще дальше и засовывали в рот ствол пистолета. И вот он у тебя во рту, ты чувствуешь вкус металла, пистолет холодный и маслянистый, палец лежит на курке, и только тогда осознаешь, насколько вели-

ка пропасть между этим мгновением и тем, о котором ты так долго думала — когда ты спустишь курок. Эту пропасть тебе не преодолеть. Ты кладешь пистолет обратно в ящик. Придется найти другой выход.

Каким был этот момент для нее? Когда она зажгла спичку. Интересно, перепробовала ли она сначала крыши, пистолеты и аспирин? Или просто ее внезапно осенило?

Меня однажды так осенило. Одним утром я проснулась с ясным осознанием того, что сегодня мне надо съесть пятьдесят таблеток аспирина. Это был главный пункт в списке дел на день. Я выложила таблетки в линию на столе и принялась глотать одну за другой, скрупулезно их отсчитывая. Только это же не совсем то, что сделала она. Я могла остановиться после десятой или тридцатой таблетки. А еще могла выйти из дома и потерять сознание — так я и поступила в итоге. Полсотни таблеток аспирина — это очень много, но выйти на улицу и лишиться там чувств, — это как убрать пистолет обратно в ящик.

А она зажгла спичку.

Где? Дома, в гараже, чтобы ничего лишнего не загорелось? В чистом поле? В школьном спортивном зале? В пустом бассейне?

Кто-то ее нашел, но не сразу. Кто ж теперь станет ее целовать, человека без кожи?

Она задалась этим вопросом, когда ей было восемнадцать лет. К тому моменту она провела с нами год. Одни бесновались и вопили, другие сидели, съезжившись, и плакали, а Полли смотрела на всех них с улыбкой. Она присаживалась возле перепуганных и успокаивала их самым своим присутствием. В ее улыбке не было ни капли злости, только понимание. Жизнь — это ад, она прекрасно это понимала. Но, судя по улыбке, она все это в себе выжгла. Еще в этой улыбке были нотки собственного превосходства, поскольку больше никому не хватало смелости выжечь это ощущение в себе. Но и к этому она относилась с пониманием. Люди все разные. И все стараются по мере сил.

Как-то утром мы услышали плач, но утренние часы редко бывают спокойными: одни не хотят рано вставать по расписанию, другие жалуются на ночные кошмары. Полли была такой тихой, такой незаметной, что мы даже не обратили внимания на ее отсутствие за столом. После завтрака плач не прекратился.

— Кто это плачет?

Никто не знал.

Плач не утих и к обеду.

— Это плачет Полли, — сообщила Лиза, которая всегда все знала.

— Почему?

Этого даже Лиза не знала.

Под вечер плач превратился в вопли и крики. Сумерки — это вообще время опасное. Поначалу это были просто вопли: «Ааааа!» и «Ээээээ!», но вскоре мы услышали слова.

— Мое лицо! Мое лицо! *Мое лицо!*

Какие-то голоса пытались ее успокоить, бубнили что-то убаюкивающим тоном, но она до поздней ночи продолжала выкрикивать эти два слова.

— Я так и думала, что рано или поздно это произойдет, — заявила Лиза.

Мне кажется, в этот момент мы все вдруг ощутили, какие ж мы были тупицы.

У нас еще есть шанс когда-нибудь выйти отсюда, а вот ей суждено сидеть взаперти в собственном обожженном теле до самой смерти.

Свобода

Лиза опять сбежала. Мы грустили, потому что она всегда умела нас приободрить. С ней всегда было весело. Ох уж эта Лиза! Даже спустя все эти годы не могу вспоминать ее без улыбки.

Что самое паршивое, ее всегда ловили и притаскивали обратно — грязную, с диким взглядом человека, который видел волю. Она с такой выдумкой проклинала своих пленителей, что даже местные старожилы, которые всякого повидали на своем веку, смеялись над прозвищами, которыми она их награждала.

— Пердуля-кастрюля! — вопила она. И еще, из любимого: — Кошёлка шизофреническая!

Обычно им хватало дня, чтобы ее поймать. Далеко уйти она и не могла — пешком и без денег. Но в этот раз ей, кажется, повезло. На третий день, проходя мимо поста медсестры, я случайно услышала обрывок телефонного